

# *Свое место*



*Анни  
Эрно*

No Kidding Press

# Анни Эрно Свое место

*Текст предоставлен правообладателем  
[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69451429](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69451429)  
Свое место: No Kidding Press; Москва; 2023  
ISBN 9785604861158*

## Аннотация

Роман «Свое место», за который Анни Эрно получила премию Ренодо в 1984 году, положил начало автосоциобиографическому методу писательницы: именно это сжатое, экономное письмо, вскрывающее взаимоотношения личного и общественного, принесет Эрно мировую известность. В центре романа фигура отца – ровесника двадцатого века – ценой огромных усилий проложившего себе путь от заводского рабочего до мелкого лавочника, и его отношения со взрослой дочерью, обнаружившей себя в ином социальном классе с другими ценностями, языком, вкусами и поведением.

Вместе с книгой «Женщина», посвященной матери, эта книга составляет своеобразный «родительский диптих».

# Анни Эрно

## Свое место

Программа содействия издательскому делу «Пушкин»  
Французского института при Посольстве Франции в России

Programme d'aide à la publication «Pouchkine» de l'istitut  
français près l'Ambassade de France en Russie



© Éditions Gallimard, Paris, 1984

© Мария Красовицкая, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. No Kidding  
Press, 2023

\* \* \*

*Осмелюсь на такое объяснение: писать – это  
последнее, что остается тем, кто предал.*

*Жан Жене*

Я сдавала практический экзамен по педагогике в одном

лионском лицее, в элитном районе Круа-Русс. Лицей был новый – растения возле учительской и директорского кабинета, библиотека с бежевым ковролином. Там я ждала, когда меня позовут вести урок – в этом и состояло испытание – перед инспектором и двумя экзаменаторами, очень опытными учителями литературы. Одна из них проверяла работы – небрежно, не задумываясь. Нужно было только выдержать ближайший час, и я смогу делать то же, что и она, всю оставшуюся жизнь. Стоя перед десятым классом с математическим уклоном, я пояснила двадцать пять строк – их надо было пронумеровать – из «Отца Горио» Бальзака. «Вы за них сами всё сделали», – упрекнул меня потом инспектор, уже в директорском кабинете. Он сидел между двумя экзаменаторами, мужчиной и близорукой женщиной в розовых туфлях. Я – напротив. Следующие пятнадцать минут он то критиковал меня, то хвалил, то давал советы. Я едва слушала, гадая, значит ли всё это, что я сдала. Вдруг все трое одновременно поднялись с серьезным видом. Я тоже поспешно встала. Инспектор протянул мне руку. И, глядя прямо в глаза: «Мадам, примите мои поздравления». Остальные повторили: «Мои поздравления» – и пожали мне руку, но женщина – с улыбкой.

Всю дорогу до автобусной остановки я думала об этой церемонии со злостью и каким-то стыдом. Тем же вечером я написала родителям, что стала «дипломированным» преподавателем. Мама ответила, что они за меня очень рады.

Папа умер ровно два месяца спустя, день в день. Ему было шестьдесят семь лет, и они с мамой держали кафе-бакалею в тихом районе города И. (департамент Приморская Сена), недалеко от вокзала. Он собирался через год выходить на пенсию. Порой, на несколько секунд, я вдруг начинаю сомневаться: когда происходила сцена в лионском лицее – до или после; что было раньше: тот ветреный апрель, когда я ждала автобуса в Круа-Русс, или душный июнь, когда умер папа.

Это случилось в воскресенье, в середине дня.

Наверху лестницы появилась мама. Она вытирала глаза салфеткой, которую, должно быть, взяла с собой, когда после обеда поднималась в спальню. «Вот и всё», – сказала она бесцветным голосом. Следующих минут я не помню. Вижу только глаза отца, уставившиеся на что-то позади меня, вдалеке, и поджатые губы, обнажающие десны. Кажется, я попросила маму закрыть ему глаза. Еще у кровати стояли мамина сестра с мужем. Они предложили помочь с обмыванием и бритьем: надо было поспешить, пока тело не окоченело. Мама сказала, что можно надеть на него костюм, в котором он был на моей свадьбе три года тому назад. Всё происходило очень просто, без криков и слез, только глаза у мамы были красные и лицо искривилось. Спокойные размеренные действия, обыденные слова. Дядя с тетей повторяли: «Вот ведь он быстро» и «Как изменился-то». Мама обращалась к папе, словно тот был всё еще жив или в нем обитала какая-то осо-

бая форма жизни, как в новорожденных. Несколько раз она ласково называла его «бедный ты мой папаша».

Когда его побрили, дядя приподнял верхнюю часть тела и держал так, пока мы снимали рубашку, в которой он лежал последние несколько дней, и меняли ее на чистую. Голова упала вперед, на голую грудь, покрытую жилками. Впервые в жизни я увидела член своего отца. Мама быстро накрыла его полой чистой рубашки со смешком: «Прикрой свой стыд, бедолага ты мой». Когда омовение закончилось, папе сцепили руки и вложили в них четки. То ли мама, то ли тетя сказала: «Так-то лучше», то есть опрятнее, пристойнее. Я закрыла ставни и разбудила сына, которого уложила на тихий час в соседней комнате. «Дедушка уснул».

Пришли родственники из И.: дядя сообщил им о случившемся. Они поднялись со мной и мамой в спальню, несколько минут молча стояли у кровати, потом начали шептаться про папину болезнь и внезапную смерть. Когда они спустились, мы налили им по рюмке в кафе.

Я не помню дежурного врача, который констатировал смерть. Через несколько часов папино лицо изменилось до неузнаваемости. Ближе к концу дня я оказалась в спальне одна. Солнце светило на линолеум сквозь щели в ставнях. Это был уже не мой отец. Нос занял на осунувшемся лице всё место. В темно-синем костюме, свободно облегающем тело, он был похож на спящую птицу. То лицо с широко раскрытыми неподвижными глазами, которое было у папы сразу по-

сле смерти, уже исчезло. Даже его я больше не увижу.

Мы начали обсуждать погребение, похоронное бюро, мес-су, приглашения, траурную одежду. У меня было ощущение, что вся эта подготовка не имеет к папе никакого отношения. Церемония, на которой его почему-то не будет. Мама возбужденным голосом призналась мне, что прошлой ночью папа наощупь пытался ее поцеловать, а ведь он уже не разговаривал. «Знаешь, он был красивым парнем по молодости», — добавила она.

Запах появился в понедельник. Раньше мне не приходило в голову, какой он. Сначала легкая, потом жуткая вонь цветов, гниющих в вазе с затхлой водой.

Магазин мама закрывала только на время похорон. Иначе она бы потеряла клиентов, а этого допустить было нельзя. Наверху лежал мертвый папа, а внизу она подавала пастис и красное вино. Плачь, молчи, веди себя достойно — вот правила хорошего тона в изысканном обществе, когда умирает близкий человек. Мама и соседи следовали другому этикету — о том, чтобы вести себя достойно, никто не беспокоился. С воскресенья, когда умер папа, по среду, когда его хоронили, каждый постоянный посетитель, едва усевшись, кратко комментировал случившееся, негромко произнося: «Быстро же он, бедняга» или, с напускной веселостью: «Ну что, хозяин, значит, приказал долго здравствовать!» Они делились тем, что почувствовали, когда узнали: «У меня аж сердце перевернулось», «Не знаю, как и передать, что со мной

стало». Они хотели показать маме, что она не одинока в своем горе – своеобразная форма вежливости. Многие вспоминали последний раз, когда видели папу в добром здравии, и рассказывали об этой встрече со всеми подробностями: точное место, день, какая стояла погода, и о чем они говорили. Это дотошное воссоздание мгновений, когда жизнь воспринималась как нечто само собой разумеющееся, показывало, насколько непостижимой для разума была папина смерть. Опять же из вежливости они хотели увидеть хозяина. Но мама допускала к нему не всех. Она отделяла хороших, искренне сочувствующих, от плохих, движимых любопытством. Почти всем постоянным посетителям было позволено с ним проститься. А жене соседа-торговца отказали, потому что при жизни папа терпеть ее не мог, с ее губами бантиком.

Гробовщики приехали в понедельник. Лестница из спальни в кухню оказалась слишком узкой, и гроб не проходил. Пришлось завернуть тело в пластиковый пакет и даже не нести, а тащить по ступенькам к гробу, который поставили посреди закрытого на час кафе. Спускали очень долго: гробовщики без конца обсуждали, как лучше нести, как заходить в поворот и т. д.

В наволочке, на которой с воскресенья лежала папина голова, была дыра. Мы не убрали в спальне, пока там находилось тело. Его одежда по-прежнему висела на стуле. Из кармана комбинезона я вытащила пачку купюр – выручку



за прошлую среду. Я выбросила лекарства и отнесла одежду в стирку.

Накануне погребения мы запекли кусок телятины, чтобы устроить поминки после церемонии. Некрасиво отправлять домой на пустой желудок тех, кто почтил вас своим присутствием на похоронах. Вечером приехал мой муж, загорелый, смущенный чужой скорбью, к которой сам не имел отношения. Он как никогда казался здесь не к месту. Мы ночевали на единственной двуспальной кровати – той, где умер папа.

В церкви много соседей: домохозяйки, рабочие, отпросившиеся на час. Разумеется, никто из людей «повыше», с которыми отец общался при жизни, утруждаться не стал, равно как и другие торговцы. Ни в какой профсоюз папа не входил, а только платил взнос в местное торговое сообщество и ни в чем не участвовал. В надгробной речи священник говорил о «честной жизни в трудах», о «человеке, который никому не делал зла».

Все подходили поздравить нас с мамой руки. Этим процессом руководил церковный служака, и то ли он что-то напутал, то ли нарочно решил пустить всех по второму кругу, чтобы казалось, будто народу пришло больше, но одни и те же люди подходили к нам по два раза. Второй раз – быстро и молча. На кладбище, когда гроб, покачиваясь на веревках, опустился в могилу, мама громко разрыдалась, совсем как на мессе в день моей свадьбы.

Поминки устроили в родительском кафе, сдвинув столы

вплотную. Сначала все молчали, потом разговорились. Мой сын хорошо поспал днем и теперь бегал между гостями и дарил кому цветок, кому камушек – всё, что находил в саду. Папин брат, сидевший довольно далеко от меня, наклонился в мою сторону и спросил: «А помнишь, как отец возил тебя в школу на велосипеде?» У него был такой же голос, как у папы. Гости разошлись около пяти. Мы молча убрали со столов. Мой муж тем же вечером сел на обратный поезд.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.